

ISSN: 2450-8160

Herald pedagogiki. Nauka i Praktyka

wydanie specjalne

Warszawa
2021

Editorial Team

Editor-in-chief: *Gontarenko N.*

EDITORIAL COLLEGE:

W. Okulicz-Kozaryn, *dr. hab, MBA, Institute of Law, Administration and Economics of Pedagogical University of Cracow, Poland;*

L. Nechaeva, *PhD, PNPUI Institute K.D. Ushinskogo, Ukraine.*

K. Fedorova, *PhD in Political Science, International political scientist, Ukraine.*

Aryslanbaeva Zoya, *Ph.D. in Uzbek State Institute of Arts and Culture Associate Professor of "Social Sciences and Humanities."*

Karimov Ismoil, *Kokand State Pedagogical Institute*

Nishanova Ozoda, *National University of Uzbekistan named after Mirzo Ulugbek*

Isamova Pakiza Shamsiyevna, *candidate of pedagogical sciences, associate professor of Uzbek State World Languages University, Republic of Uzbekistan, Tashkent city.*

(wydanie specjalne) Volume-2, № 6 October 2022

ARCHIVING

Sciendo archives the contents of this journal in ejournals.id - digital long-term preservation service of scholarly books, journals and collections.

PLAGIARISM POLICY

The editorial board is participating in a growing community of [Similarity Check System's](#) users in order to ensure that the content published is original and trustworthy. Similarity Check is a medium that allows for comprehensive manuscripts screening, aimed to eliminate plagiarism and provide a high standard and quality peer-review process.

About the Journal

Herald pedagogiki. Nauka i Praktyka (HP) publishes outstanding educational research from a wide range of conceptual, theoretical, and empirical traditions. Diverse perspectives, critiques, and theories related to pedagogy – broadly conceptualized as intentional and political teaching and learning across many spaces, disciplines, and discourses – are welcome, from authors seeking a critical, international audience for their work. All manuscripts of sufficient complexity and rigor will be given full review. In particular, HP seeks to publish scholarship that is critical of oppressive systems and the ways in which traditional and/or “commonsensical” pedagogical practices function to reproduce oppressive conditions and outcomes. Scholarship focused on macro, micro and meso level educational phenomena are welcome. JoP encourages authors to analyse and create alternative spaces within which such phenomena impact on and influence pedagogical practice in many different ways, from classrooms to forms of public pedagogy, and the myriad spaces in between. Manuscripts should be written for a broad, diverse, international audience of either researchers and/or practitioners. Accepted manuscripts will be available free to the public through HPs open-access policies, as well as we planed to index our journal in Elsevier's Scopus indexing service, ERIC, and others.

HP publishes two issues per year, including Themed Issues. To propose a Special Themed Issue, please contact the Lead Editor Dr. Gontarenko N (info@ejournals.id). All submissions deemed of sufficient quality by the Executive Editors are reviewed using a double-blind peer-review process. Scholars interested in serving as reviewers are encouraged to contact the Executive Editors with a list of areas in which they are qualified to review manuscripts.

**ЭВОЛЮЦИЯ ЭВФЕМИСТИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ
(на примере сопоставления эвфемизмов русского и узбекского языков)**

Саттарова Елена Анатольевна

Старший преподаватель кафедры русского языкознания, доктор философии
по филологическим наукам (PhD)
Термезского государственного университета
Республика Узбекистан, Сурхандарьинская область, город Термез,
ул. Амира Тимура 53/1
elenabereza76@gmail.com

Аннотация: Статья посвящена сопоставительному исследованию малочисленной эволюции эвфемистического значения (на примере сопоставления эвфемизмов русского и узбекского языков).

В статье рассматривается явление эвфемии в диахронном аспекте, исследуемое учеными-лингвистами как один из универсальных языковых феноменов, где они оценивают его как неотъемлемую часть языкознания. Приводится ряд примеров эвфемизации речи русского и узбекского языков в сопоставительном плане. Несмотря на это, в ходе изучения различных теоретических источников, можно сделать умозаключение о том, что традиционно ученые рассматривают табу и эвфемизм как два взаимосвязанных явления.

Ключевые слова: эвфемия, эвфемизм, ортология, нейролингвистика, сравнение, сопоставление, эвфемизация речи, однословные эвфемизмы, эвфемистические сочетания, дисфемизм.

Abstract: The article is devoted to a comparative study of the small evolution of the euphemistic meaning (on the example of comparing the euphemisms of the Russian and Uzbek languages).

The article deals with the phenomenon of euphemism in a diachronic aspect, studied by linguists as one of the universal linguistic phenomena, where they evaluate it as an integral part of linguistics. A number of examples of euphemization of the speech of the Russian and Uzbek languages are given in comparative terms. Despite this, in the course of studying various theoretical sources, it can be concluded that traditionally scientists consider taboo and euphemism as two interrelated phenomena.

В последнее время ученые-лингвисты всего мира уделяют особое внимание практическому использованию языковых возможностей созидательной силы речи. Интерес к областям прикладной культуры, таким как культура речи, ортология, нейролингвистика, прикладная лингвистика, когнитивная лингвистика, паралингвистика растет с каждым днем. Это связано с тем, что проблема духовной культуры глобально возрастает в результате технического и технологического прогресса. Фокус этих вопросов лежит на развитии речевой культуры человека,

коммуникационного потенциала и отношения к языку как средству повышения национально-культурной духовности.

Усиление и распространение роли эвфемизмов, как одного из богатых, красивых и благозвучных выражений языка, становится социальной необходимостью. В современном языкознании находят свое применение риторически промежуточные фразы, либо нейтральные слова и выражения, взамен близкой языковой синонимичной единицы, что является в речевом общении бестактной, грубой, нетактичной, а порою жестокой или даже пошлой. Поэтому при освещении вопросов теоретической части нам потребовалось также выявить содержание понятий "эвфемизм", "эвфемизация", "эвфемия", что требуют специального изучения и описания.

Здесь, как мы считаем, следует обратить особое внимание на определение термина "эвфемизм" российской лингвиста О.С.Ахмановой: "Эвфемизм - это троп, состоящий в непрямом, прикрытом, вежливом, смягчающем обозначении какого-либо предмета или явления" [3, с. 521]. Очевидно, что ученая также акцентирует особое внимание на такие определения, как "табуированный перифраз" и "эвфемистический перифраз" [3, с. 312].

Измерение и объем типологии эвфемистического значения в современной лингвистике предполагает, прежде всего, изучение его эволюции применительно к историческим процессам. Несмотря на то, что это весьма сложная сторона вопроса, и долгое время тема эвфемизмов оставалась как в русистике, так и в узбекской лингвистике под определенным запретом. Тем не менее, в практике общения исследуемых языков сложилась определенная система языковых предпочтений носителей языковой культуры - эвфемизмы [16, с. 64].

Данная проблема, напрямую касалась сферы жизнедеятельности людей. Слывшие с древних пор как особые, недозволенные, священные, запретные темы для человека, считались более чем недозволенный продукт для общения, поэтому для того, чтобы скрыть негативную речевую особенность, собеседники прибегали к иносказанию.

В зарубежном языкознании эвфемизмы стали изучать с конца XIX века. В России проблему эвфемизации стали рассматривать в 20-х годах XX века, а в Узбекистане - лишь в 60-х годах XX века. На сегодняшний день, в русском и узбекском языках эвфемизмы и эвфемистические формулировки применяются почти во всех социально-важных областях человеческой жизнедеятельности [17, с. 79].

Существует мнение о том, что в период Средневековья подход к теме эвфемизмов уже существовал, и заключался в трех ключевых определениях: во-первых, эвфемизмы - это слова и выражения, заменяющие собою форму суеверия и предубеждения; во-вторых, эвфемизмы - это слова и выражения, которые не могли использоваться в речи вследствие сдержанности собеседников; в-третьих, эвфемизмы - это слова и выражения, замещающие собой другие из соображения

порядочности [21, с.18]. В первом случае наиболее продуктивным решением нам представляется замена выражений, означающих нехороший признак, т.е. таких слов, которые, обладали определенной силой и мощью, способной навлечь беду. М.И.Зверева к этим эвфемизмам относит: "образные замены слова "сделать последний вздох" или "душа отправилась к Богу" вместо умереть, а также образное название Сатаны - Лукавый" [6, с. 87]. По ее правильному замечанию: "Эвфемизмы второго типа выражали идеи, запрещенные моралью, и, как правило, были связаны с сексуальностью и болезнью, а эвфемизмы третьего типа появляются только с XI века - их возникновение связывается с "поэтическим бумом", со временем творчества трубадуров, когда изяществом слова необходимо было "обойти" целый ряд социальных и религиозных запретов" [6, с. 87].

"Такие запреты возникают в сфере общественной жизни на разных ступенях развития общества и обусловлены различными факторами - религиозными, историческими, политическими, этическими и др." [5, с. 552].

Аналогичной точкой зрения придерживается Б.А.Ларин, он упоминает о развитии древнейших эвфемизмов "в силу табу", где пишет, что: "еще на стадии первобытных суеверий "боязнь заклинаний, магического действия зова, прямого наименования породила запреты на слова (табу), породила деление на общие и "сокровенные" слова, дозволенные только жрецам, вождям. Взамен запретных слов создаются новые ("подставные") наименования, чтобы не разгневать богов, обмануть нечистую силу или страшного зверя, чтобы задобрить их", - так писал о развитии древнейших эвфемизмов "в силу табу" [11, с. 110].

Разделяя мнения ученых, А.А.Реформатский определяет понятие для табу и эвфемизма: "Табу и эвфемизмы", поясняя свою мысль следующим образом: "Для замены табу слов нужны другие слова - эвфемизмы. Эвфемизмы - это замененные, разрешенные слова, которые употребляют вместо запрещенных (табуированных)" [13, с. 99]. Представление о понятии "эвфемизма" как особенного, универсального речевого феномена, употребляющегося в коммуникативной среде, для замены запретной лексики "табу", и в наши дни пользуется большим успехом среди лингвистов.

Б.А.Ларин, исследуя проблему эвфемизации, обращает внимание на то, что в основе речевого запрета, а именно табу, является понятие и представление необразованных, безграмотных людей в нужде обеспечить свою безопасность недоброжелательных проявлений таинственных сил. Он пишет, что: "Страх заставлял людей находить именованья, скрывающие свой предмет, отвлекающие от его узнавания, якобы превращающие силой словотворчества злые качества, действия в благоприятные, желательные или хотя бы безвредные" [11, с. 101-102].

Следует отметить, что некоторые современные словари и учебные пособия при описании слова "табу", которое относят к полинезийскому происхождению, и считают что оно проникло в европейские языки в конце XVIII века, также толкуют как слово "запрет".

В учебном пособии А.М.Кацева "Языковое табу и эвфемия" первоначально данное слово означало "отдаленный", "удаленный прочь" [8, с. 10].

Весомый вклад в разработку проблемных областей понятия эвфемистического смысла вносит профессор Университета Эстремадуры Луиса Мария Арменто Морено. Она пишет, что "Эвфемизм - это скорее всего экстралингвистический подход к культуре речи" [20, с. 744].

Следует отметить, что в наши дни явление эвфемии рассматривается учеными-лингвистами как универсальный языковой феномен, где они оценивают его как неотъемлемую часть языкознания. Все же это два совершенно разных языковых явления, которые несут в себе разные абстрактные особенности речевых ключей. Несмотря на это, в ходе изучения различных теоретических источников, можно сделать умозаключение о том, что традиционно ученые рассматривают табу и эвфемизм как два взаимосвязанных явления.

Объединяя генеалогические осмысления понятия эвфемизма за рубежом и в Узбекистане, мы видим, как расширяется круг исследований теоретических проблем, что в принципе, обосновано и присуще для современной науки.

Следует отметить, что лингвисты современности так и не остановились на одной точке зрения в определении понятия "эвфемизм", но несмотря на это, все же ими создана прочная основа для дальнейших исследований, и определения конкретного разграничения между эвфемизмом и другими лингвистическими явлениями [17, с.82].

В современном обществе определенные запреты имеют, прежде всего, морально-этический подход к отрицательной, малоприятной, обценной, безнравственной, вульгарной лексике во всех сферах человеческой деятельности, особенно в быту. Данные языковые явления не присуще литературной норме и официально-деловой речи, но не смотря на это, не стоит забывать о том, что данный языковой феномен несет особенности национально-культурного речевого процесса, и является неотъемлемой частью общения среди людей.

Исследуя речевые запреты в отношении эволюции развития эвфемистического значения, можно сделать вывод, что древние табу и табу современного общения во многом совпадают. Древние запреты основывались на обычной жизни человека, например, рождением ребенка, приемом пищи, болезнями, свадьбами, похоронами, суевериями, страхами перед Всевышним и нечистой силой, сельскохозяйственным трудом и прочими видами деятельности человека. Но со временем появились новые запреты на понятия, связанные с человеком. Это развитие социальных и бытовых сфер жизнедеятельности человека, его пороки, преступления, физические состояния и физиологические недостатки, финансовое положение, гендерные особенности различных деликатных тем и специфика культурного и общественного развития общества.

По справедливому замечанию М.Л.Ковшовой: "Эвфемизмы в речевом общении дают возможность в речевой среде избежать конфликтов и коммуникативных

неудач в речи. Они противоположны дисфемизмам (от греч. *dysph?m?a* "дурнословие"), понимаемым как грубые слова и выражения, которые представляются в процессе коммуникации слишком грубыми, резкими, вульгарными, неприличными и могут тем самым негативно повлиять на осуществление общения" [9, с. 105].

Весомый вклад в разработку данной проблемы внес Л.П.Крысин. Он по этому поводу пишет так: "Процессы эвфемизации и дисфемизации могут быть противопоставлены, прежде всего, по их функциям. Если основной целью эвфемизмов является избежание коммуникативных конфликтов и неудач, то у дисфемизмов или, как их еще называют кокофемизмами, прямо противоположная функция - они обозначают понятие в более резкой или грубой форме, нередко даже в нелитературной" [10, с. 34].

В лингвистической практике имеется достаточно большое количество дефиниций определению понятия "эвфемизм". Одним из самых ярких в русистике, на наш взгляд, является определение Н.С.Араповой: "Эвфемизмы являют собой эмоционально нейтральные слова или выражения, употребляемые вместо синонимичных им слов или выражений, представляющихся говорящему неприличными, грубыми или нетактичными", а также "окказиональные индивидуально-контекстные замены одних слов другими с целью искажения или маскировки подлинной сущности обозначаемого" [2, с. 590].

Мы единодушны с мнением Н.А.Ванюшиной которая считает, что "Эвфемия должна быть порождением внутреннего состояния, души говорящего, выражающаяся в использовании определенных лексических единиц и синтаксических конструкций" [3, с. 33-35].

Д.Н.Шмелев относит эвфемизмы к языковым универсалиям, выражающим явление вежливости. Причем эвфемизм трактуется как "факт языка, ориентированный на речевую коммуникацию" [19, с. 199].

Узбекистанский лингвист Н.Исматуллаев в работе "Ҳозирги ўзбек тилида эвфемизмлар" дает довольно общее определение этому термину, подчеркивая, что "эвфемизм является речевым двигателем и средством культурной речи" [7, с. 819]. Это довольно узкое определение, так как оставляет нерешенными ряд задач затрагивающих, в первую очередь, распространенность сферы употребления эвфемизмов, и не дает точного разграничения с другими смежными языковыми явлениями в практике. Поэтому понятие эвфемизации языка нуждается в дальнейшем более глубоком исследовании, так как изучение языковых феноменов в данной области языкознания весьма актуальны.

Другой узбекский языковед А.Ж.Омонтурдиев в своей работе "Ўзбек нутуқнинг эвфемик асослари" также акцентирует внимание на том, что "Эвфемизм - это замена негативного, неприятного, запретного слова либо целого выражения, наиболее корректным и благозвучным. Благодаря эвфемизму, появляется возможность исключить появления отрицательных эмоций и негативных чувств

у участников общения. Эвфемизм представляет собой тот феномен, который помогает спрятать за призму благозвучия с более приятной формулировкой определенные факты действительности" [13, с. 17].

Следует отметить, что рассмотренные выше определения схожи между собой в определении эвфемизма. Все указывает на то, что эвфемизм важен для собеседников в процессе общения, дабы заменить непристойную либо бестактную языковую действительность. В большинстве своем выделяются такие основные принципы функционирования эвфемизмов, как: камуфлирование, завуалирование предметов сообщения с целью смягчения денотата. Ср. такие слова, как рус. обездоленный, сиротиночка, сиротинушка, безматок, сырый, одинокий, брошечка, лишенный(ая) любви матери - эвфемизмы, называющие детей-сирот; узб. *gul yetim* (одинокий цветок), *yodgor, qadrcha* (память), *kimsasiz* (одинокие), *ko'ngli yarim* (обделенный душой), *mehrga zor* (нуждающийся в любви), *muhabbat mevalari* (плоды любви), *ona mehrga to'yagan* (не насытился материнской любви), *ota-onasi yo'q* (нет родителей), *tutqin qo'zi* (ягненок в плену), *qalbi o'ksik* (с разбитым сердцем) - эвфемизмы, используемые в узбекском языке заменяя слово *etim* (сирота).

Критерий эвфемистического значения требует изучения его эволюции по отношению к временным процессам. Однако, эта сторона вопроса очень сложна и на сегодняшний день не обоснована научными исследованиями. Например, неправильным будет доказывать тот аспект, что эвфемизмы, возникающие в примитивном языке, не являются продуктом обращения с первоначальным языком.

Например, в современной речи используются слова слуга, бедняк, горничная, хозяин, хозяйка, но они равносильны словам, которые могут рассматриваться как средство общения представителей родовой системы: в русском языке слуга, прислуга, лакей, подчинённый, раб, хозяин, хозяйка; в узбекском языке *xizmatkor, bo'ysunuvchi, qul, xo'jayin, mardikor* и др.

В современном обществе не употребляются обращения по отношению к руководителям государств, такие наименования как рус. царь, Ваше Высочество, Ваше Величество, Император - узб. *podshohi olam* (досл. король мира), *sulton* (султан), *oliy hazratlari, janobi oliylari* (ваше высочество, ваше величество), *olampanoh, davlatpanoh* (досл. император), амир (эмир), но представители современного общества вместо слова "президент", используют специфичные для национально-культурного языка эвфемизмы: рус. эвф. глава государства - узб. *yurtboshi, davlat rahbari* (глава государства); или вместо обозначений социальной группы высшего общества использовались как в русском, так и в узбекском языках определенные эвфемизмы рус. аристократ, дворянин, вельможа - узб. *oqsuyak* (досл. белая кость в значении "высшая раса"), *eshon* (в значении "высшего социального происхождения"), *ho'ja* (досл. хозяин), *zodagon* (аристократ). Такие эвфемизмы узбекского языка как *oqsuyak* (досл. белая кость в значении "высшая раса"), *eshon* (в значении "высшего социального происхождения"), *ho'ja* (досл.

хозяин) сохранились и до наших дней. Или же до сих пор в русском языке употребляются эвфемизмы, позволяющие избежать прямого наименования Иисуса Христа: Агнец Божий, Добрый пастырь, Спаситель, Распятый, посланник, галилеянин. Также и в узбекском языке, вместо прямого имени Пророка Мухаммада используются имена Sarvari olam (досл. Всемогущий) Rasul alayhissalom (посланник Аллаха, мир ему и благословение Аллаха), On Hazrat Muhammad Mustafo Sallallohu alayhi vassallam (Великий, премного превозносимый, мир ему и благословение Аллаха), ikki dunyo charog'i (досл. Свет двух миров) и др.

Узбекскому национально-культурному менталитету вместо наименований *ota*, *dada*, она свойственны такие обращения к родителям: *padar* (отец), *padari buzruk* (отец), *qiblagoh* (1) кыбла, святыня; 2) очень почитаемый, дорогой человек (отец, мать)), *ka'ba* (кааба, святыня), *valida* (мать), *validai mehribon*, *validai mushfiq*, *validai munis*, *validai aziza* (мать всего рода), в русском языке вместо мать, отец употребляют: родимые, матушка, мамочка, мамулечка, родительница, родитель, папочка, папулечка, родимый, батюшка; также вместо *o'qituvchi* используются при обращении к учителю в узбекском языке такие лексемы, как *domla*, *ustoz*, *mualem*, а в русском языке: мастер, наставник, просветитель и т. д.. Таким образом, можно отметить, что эвфемистические средства выражения в языке народа сохранили особенности речевого поведения феодального общества. Поэтому для комплексного изучения эволюции табу и эвфемизмов требуется, прежде всего, изучение языков племен, народов, наций и их способов поведения.

Еще один сложный аспект изучения эволюции эвфемизмов заключается в том, что многие термины со временем устаревают. В результате старый эвфемизм заменяется новым, более приемлемым для речи и более ярким эвфемизмом. Это приводит к появлению более одного (пяти, десяти и даже более) эвфемизмов для одного понятия.

Рассматривая эвфемизацию узбекского языка, можно обратить особое внимание на некоторые этнические особенности и менталитет узбекского народа. Например, слово *ilon* (досл. змея) в узбекской национально-языковой культуре, на самом деле, является эвфемизмом для слова *shaquvchi* (кусающий, кусающийся). Ср. турецкие слова, обозначающие змею (*jilon*, *jilmoq*, *jiluvchi* (досл. ползучая, ползающая), *sudraluvchi* (досл. пресмыкающееся, рептилия)), *argon*, *arg'qmchi*, *olachilvir*, *qamchin* (веревка, хлыст, кнут). В русском языке слово "змея" также заменяется эвфемизмами пресмыкающееся, ползучая, шипящая, злюка, подколотная.

Или же еще ряд узбекских эвфемизмов, таких как *gajdum*, *kajdum* (хвост крючком), используемые вместо слова *chaupon* (скорпион), которые вошли в систему табуирования узбекского языка.

То же самое прослеживается и в работах российских ученых, которые утверждали, что слово медведь изначально было эвфемизмом (медоед -пчела), но позже было наложено табу для этого обозначения, и стали использоваться

эвфемистические средства такие, как: лесник, хозяин леса, лесной правитель, Потапыч, торговец, медведь, косолапый, Михаил Иванович, Миша, лесной, барин, хост дубрав, ведмед, топтыгин, медведко, кадык, нескладекса, мишутка (если животное как-то именовалось до эвфемизма медведь, то оно было забыто). Вместо слова "скорпион" в русском языке использовались также эвфемизмы, как: членистоногий, хвостатый, жгучий хвост, длинный хвост. [15, с. 100].

В узбекском языке слова и словосочетания *bo'ri* (волк) *oq*, *oqish*, *oqbo*, *oq tusdagi xayvon* (белый, белый зверь, белое животное, белохвостый олень) на самом деле является эвфемистическим именем для прямого наименования дикого животного. Позже произошел процесс табуирования (когда в памяти все равно было восстановлено понятие зверя) и заменено эвфемизмами *jondor*, *itkush* (живой, вольная собака). В сегодняшней речи пастухов наблюдаются такие эвфемизмы по отношению к волку, как *u*, *haligi*, *qaroligi*, *qaro* (он, настоящий, ведомый, черный). В русском языке волка также называют эвфемизированными словами серый, санитар леса, бирюк, лесной разбойник, переток, серый помещик, аука и др.

В узбекском языке слово *tug'moq* (рождение) применялось только к человеку, а затем к животным. В более позднем развитии языка понятие рождения связано со зрением человека, спасением и т.д. Например, *ko'zi yogimoq* (раскрыть глаза), *qutulib olmoq* (избавиться, разрешиться); в русском языке используются эвфемистические средства, такие как разрешиться от бремени, произвести на свет, стать матерью.

По мере развития языка развивается и его эвфемистический слой. Возникают новые формы табу на основе новой морали, нового мировоззрения и, как следствие, новые эвфемизмы. В отличие от требований примитивного табу, вместо многих слов и фраз, ставших нормой, используются более удобные для него, более приятные для говорящего и слушателя фразы.

Одно табуированное понятие может привести к появлению более чем одного эвфемистического инструмента. В таких случаях слова претерпевают определенное смысловое развитие - эволюционный процесс, изменение значения. Например, *qoraqurt* (каракурт) не стал синонимом слова *biy*, *qurt* (червь) потерял свое истинное значение, когда он использовался в смысле *qoraqurt* (каракурт), а значение абстракции возникло, когда его называли *o'rgimchak* (паук) или *hasharot* (насекомое) и так далее.

Средства, забытые из-за табу, могут быть идентифицированы следующим поколением посредством этимологических или табуированных и эвфемистических словарей.

Ученые считают, что в некоторых индоевропейских языках оригинальные имена медведей, змей, мышей, лисиц, лягушек и оленей исчезли на основании табу [7, с. 8]. Это можно наблюдать и в других языковых системах. Например, узбекское слово *xonqizi* (дочь хана) - эвфемистическое название божьей коровки, при этом

первоначальное название забыто. То же самое можно сказать и о наименовании божия коровка в русском языке.

Представляет особый интерес вопрос об отношении эвфемизма к синонимии. Известно, что в последнее время появилось множество научных сборников синонимов узбекского языка, различных статей о культуре и ценности речи с рекомендациями и методическими особенностями для обозначения благозвучной и правильной речи.

Скажем, эвфемистические синонимы попадают в категорию семантико-функциональной синонимии, потому что они не "живут" на определенном уровне языка, они работают на основе функционально-семантического метода [16, с. 65]. Формирование, характер или речевая ценность эвфемистических синонимов, в целом, неодинаковы. Часто они образуются из положительных, а иногда как положительных, так и отрицательных коннотаций (полюсов) денотационного (табуированного) понятия. "Коннотация, включает дополнительные семантические или стилистические элементы, устойчиво связанные с основным значением в сознании носителей языка" [1, с. 766]. Коннотация, определена изучением экспрессивных, эмоционально-оценочных элементов высказывания, и отображает национально-культурные традиции общества, представляет собой разновидность оценочной информации, отражающей не сами предметы и явления, а определенное отношение к ним. Например: слово "метель", это сильный вихрь или ветер сопровождаемый снеговыми бурями, может служить коннотацией в следующих сочетаниях: положительно коннотацией "пух кружился метелью", и отрицательной коннотацией "метель огненных искр взвилась в небо"; слово "лиса" имеет положительную коннотацию "хитрость" и отрицательную коннотацию "коварство"; "ветер" - "непостоянство", "быстрота" и т.п.

Эвфемистическая речь русского и узбекского народов объединяет в себе, огромный состав в современной речи. Конечно, в связи с этим, среди лингвистов существовали усилия урегулировать эвфемизмы, создавая различные для них классификации, систематизировав в различные тематические группы, определяли семантические аспекты, мотивы и сферу их употребления.

Например, как в русском, так и в узбекском языках в лексикографических источниках встречается ряд метафоризированных эвфемизмов в значении "умереть": рус. эвф. покоиться вечным, непробудным сном, уснуть вечным сном - узб. эвф. *abadiy uyuqiga ketmoq* (досл. заснуть навсегда); рус. эвф. сыграть в ящик - узб. эвф. *baxti qarо kiymoq* (досл. надеть черное счастье), рус. эвф. отправиться к праотцам - узб. эвф. *adam cho'listoniga ketmoq* (досл. отправиться в долину предков). Среди метафорических групп в русском и узбекском языках данной лексико-семантической группы в словарях встречаются эвфемизмы олицетворения: рус. эвф. погас огонь, увял цветок - узб. эвф. *qizil gul so'lmoq* (досл. завял красный цветок), *bahori tugamoq* (досл. конец весне) и др. В словарях, часто встречаются эпитеты, что является более ярким проявлением метафоры: рус. закат печальный,

улыбка прощальная - узб. *so'ngsiz safarga ketmoq* (досл. отправиться в последнее путешествие), *so'nggi safar qilmoq* (досл. совершить последнюю поездку).

Мы согласимся с теорией В.П.Москвина, так как в своей работе он изложил подход, заключающийся в "замене одного видового понятия другим на основе ассоциаций по сходству" [12, с. 216.]. Одну из самых обширных тематических групп эвфемизмов-метафор, занимает в русском и узбекском языках функционально-семантическая подгруппа, относящаяся к интимной жизни людей, например: рус. съесть запретный плод употребляется вместо прямого наименования половых отношений - узб. *xilvatda bazm qilmoq* (досл. устроить пир наедине), рус. жрица любви, камелия в "Словаре эвфемизмов русского языка" под редакцией Е.П.Сеничкиной дается в значении "проститутка" [18]. Такое же видовое перенесение значения продажной женщины указывается и в "Ўзбек тилининг қисқача эвфемик лугати" А.Ж.Омонтурдиева: *bezak* (украшение, в значении проститутки), *ma'naviyati so'qir* (досл. духовно слепая), *shoxdan-shoxga sakramoq* (прыгающая с ветки на ветку) [14].

Таким образом, стратегия изучения вопросов типологии эвфемистического смысла русского и узбекского языков, предполагает собой крайне важное явление в лингвистической концепции образа языкового поведения двух совершенно разных народов. Эвфемизм, представляет собой очень важный элемент речевого общения, устного или письменного, цифрового или религиозного. Он играет важную роль в процессе исторического развития языка. Это непрерывный процесс замены плохого, грубого, негативного, неприятного слова или выражения на благозвучие, в целях успешной речевой коммуникации.

Список использованной литературы

1. Апресян Ю.Д. Коннотации как часть прагматики слова - М.: Школа "Языки русской культуры", 1995. - 766 с. - ISBN 5-88766-045-7.
2. Арапова Н.С. Эвфемизм // Русский язык: Энциклопедия. - 2-е изд. - М.: Дрофа, 1998. - 636 с.
3. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. - М.: Сов. Энциклопедия, 1969. - 608 с.
4. Ванюшина Н.А. Происхождение и генезис термина "эвфемия" // Альманах современной науки и образования, № 8-1, 2008. - С. 33-35.
5. Варбот Ж.Ж - Табу // Русский язык: Энциклопедия. - М., 1997. - 552 с.
6. Зверева М. И. История изучения эвфемизмов в отечественной и зарубежной лингвистике // Филологические науки / Вопросы теории и практики. - Тамбов: Грамота, 2017. № 12(78): в 4-х ч. Ч. 4. С. 86-90. ISSN 1997-2911.
7. Исмагуллаев Н. Эвфемизмы в современном узбекском языке: автореф. дисс. ..канд. филол.; наук. - Ташкент, 1963. - 19 с.
8. Кацев А. М. Языковое табу и эвфемия: учеб. пособие к спецкурсу. - Л.: ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1988. - 80 с.
9. Ковшова М.Л. Семантика и прагматика эвфемизмов: краткий тематический словарь современных русских эвфемизмов. - М.: Гнозис, 2007. - 320 с.
10. Крысин Л.П. Русское слово, своё и чужое: исследования по современному русскому языку и социолингвистике. - М.: Языки славянской культуры, 2004. - 888 с.
11. Ларин Б.А. Об эвфемизмах // История русского языка и общее языкознание. - М., 1977. - 110 с.
12. Москвин В.П. Выразительные средства современной русской речи. / Тропы и фигуры. - Ростов: Феникс, 2007. - 102 с.
13. Омонтурдиев А. Ўзбек нутқининг эвфемик асослари. - Тошкент: Халқ мероси, 2000. - 128 б.
14. Омонтурдиев А. Ўзбек нутқининг эвфемик асослари. - Тошкент: Халқ мероси, 2000. - 128 б.
15. Реформатский А.А. Введение в языковедение / под ред. В. А. Виноградова. - М.: Аспект Пресс, 1996. - 536 с.
16. Саттарова Е. А. Несовместимость эвфемизмов русского и узбекского языков как основное препятствие для лингвокультурологического сопоставления // Проблемы современной науки и образования. - 2020. - №. 7 (152). - С. 63-67.
17. Саттарова Е. А. НАЦИОНАЛЬНОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРАВ СОПОСТАВЛЕНИИ ЭВФЕМИЗМОВ РУССКОГО И УЗБЕКСКОГО ЯЗЫКОВ // Актуальные научные исследования в современном мире. - 2020. - №. 1-5. - С. 78-82.
18. Сеничкина Е.П. Словарь эвфемизмов русского языка. - М.: Флинта: Наука,

2008. - 464 с.

19. Шмелев Д. Н. Эвфемизм // Русский язык: энциклопедия. - Москва: Большая рос. энцикл.: Дрофа, 1997. - 703 с.

20. Moreno L. M. A. La interdiccin lingstica: estrategias del lenguaje polticamente correcto en textos legales educativos seleccin de leyes educativas (1986-2006). Cceres, 2009. - 744 p.

21. Ruccella L. L'conomiquement correct: analyse du discours euphmique sur la crise dans la presse franaise et italienne // Thseen cotutelle internationale en vue de l'obtention du grade de Docteur en Sciences du Langage. P. - Torino, 2014. P. 17-44.